Е.Е. ДОКУЧАЕВА

Кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории искусства и гуманитарных наук МГХПА им. С.Г. Строганова
e-mail: dokuchaevaee@yandex.ru

E.E. DOKUCHAEVA

Candidate of art history, professor of the department of history of arts and humanitarian sciences of the Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts
e-mail: dokuchaevaee@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА И ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО СТИЛЯ В СТРОГАНОВСКОМ УЧИЛИЩЕ В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

THE STUDY OF OLD RUSSIAN ART AND THE FORMATION OF THE RUSSIAN STYLE IN THE STROGANOV SCHOOL IN THE 60S OF THE XIX CENTURY

В статье рассматривается история Строгановского училища после объединения Первой и Второй рисовальных школ в Москве под руководством В.И. Бутовского (1815–1881) и его активная деятельность по собиранию и изучению древнерусского искусства, пропаганде его за рубежом и изданию «Истории русского орнамента с X по XVI столетия по древним рукописям», ставшего важным культурным событием в России и за рубежом во второй половине 60-х – в начале 70-х годов XIX века. Описаны первые опыты использования исторического национального наследия в формировании русского стиля в стенах Строгановского училища.

The article examines the history of the Stroganov School after the unification of the First and Second Drawing schools in Moscow under the direction of V.I. Butovsky (1815–1881) and his active work on collecting and studying Old Russian art, promoting it abroad and publishing «The History of Russian Ornament from the X to the XVI Century according to Ancient Manuscripts», which became an im-

portant cultural event in Russia and abroad in the second half of the 60s – early 70s of the XIX century. The first experiments of using the historical national heritage in the formation of the Russian style within the walls of the Stroganov School are described.

Ключевые слова: Строгановское училище, русский стиль, Виктор Иванович Бутовский, византийский орнамент, древнерусский орнамент, история русского орнамента.
Keywords: Stroganov School, Russian style, Viktor Ivanovich Butovsky, Byzantine ornament, Old Russian ornament, history of Russian ornament.

Художественное направление, которое становится одним из ведущих в стилистике историзма и получает название русского стиля, наиболее ярко проявилось в отечественном искусстве 60–80-х годов XIX века. В Москве становление русского стиля совпало с объединением в 1860 году 1-й и 2-й Рисовальных школ и восстановлением Строгановского училища технического рисования под руководством Виктора Ивановича Бутовского [1], который своей активной деятельностью положил начало изучения древнерусского искусства, утверждения его самобытности, художественной ценности и вхождения русского стиля в систему преподавания училища.

Шестидесятые годы стали важным рубежом, определившим новый этап в развитии отечественного искусства в целом. Большую роль в поисках национальной идентичности сыграли не только Всемирные, но и Всероссийские выставки первой половины 60-х годов XIX века. Это отмечали и сами современники: «Выставки 1861 и 1865 гг. — были особенно значимыми <…> на них произведения, представленные на суд публики, были подвергнуты особенно тщательному рассмотрению и оценке <…> в них ясно выражается наклонность к изобретению самобытному, тщательное изучение стилей и в особенности различных источников национального искусства» [2, с. XXXX–XLI].

В связи с этим В.И. Бутовский на базе Строгановского училища начинает работу по собиранию и изучению памятников древнерусского искусства, он отмечает: «Чрезмерное подражание в промышленных производствах всему иностранному и совершенное отсутствие своеобразного стиля побудили Строгановское училище в 1864 году обратиться к памят-

никам христианской древности в России и к отысканию в них тех оставшихся от предков наших рисунков, которые могли бы послужить к образованию понятий о древнерусском стиле» [3, с. 162].

Рис. 1. Экспозиции Художественно-промышленного музея Строгановского училища, фото начала XX века

Важно отметить, что этот процесс начался одновременно с созданием художественно-промышленного музея в Строгановском училище, экспонатами которого стали слепки с архитектурного декора Дмитриевского собора (XII в.) в городе Владимире (ил. 1). На этот памятник указал Бутовскому архитектор Ф.Ф. Рихтер, считая его примером византийского архитектурного стиля, а значит и ярким свидетельством национальной традиции. Следует вспомнить, что в начале 60-х годов в понимании национальной традиции еще не было четкого разделения на византийское и древнерусское наследие. В данном контексте важно было подчеркнуть самобытность древнерусского искусства и его отличие от западного. Известный современный исследователь русского стиля Е.И. Кириченко по этому поводу отмечала: «Термин византийский стиль во второй четверти XIX века не только указывал на истоки, но и нес в себе характеристику существа воспринятой от Византии культуры — ее христианских основ, ее православия» [4, с. 107].

Таким образом, в начале 60-х годов XIX века в Строгановском училище была собрана коллекция слепков, состоящая из 31 колонки аркатурно-колончатого фриза Дмитриевского собора с различными орнаментами, двух порталов, арки, соединявшей колонки, а также отдельные фрагменты орнаментального декора и сюжетных композиций рельефов фасадов. Интересно, что для этой эффективной работы в Строгановском училище был выработана технология снятия желатиновых форм с алебастровых моделей. Ее описал сам В.И. Бутовский в «Журнале мануфактур и торговли» в 1865 году [5, с. 143]. Дело в том, что было сделано несколько экземпляров коллекции слепков. Одна была подарена московскому отделению Совета торговли и мануфактур в качестве благодарности за оказание помощи в устройстве художественно-промышленного музея

в Строгановском училище. Другая коллекция была приобретена Академией художеств в Санкт-Петербурге для отдела музея русских древностей. Ее высоко оценил Г.Г. Гагарин (1810–1893), который сам являлся одним из первых исследователей византийского искусства и создателей византийского стиля в искусстве историзма. Он отмечал, что было бы желательно «…чтобы русская промышленность брала из русских древностей мотивы для своей орнаментистики, давая ей ту правильность и изящность, какая требуется современным вкусом» [6, с. 164]. Отдельные элементы коллекции слепков также находились в Московском Публичном музее.

В.И. Бутовский через Наталиса Рондо, «устроителя» Лионского и Амьенского музеев, предложил принять в дар Сюринтенденту Академии художеств в Париже графу Ньюверкерку некоторые слепки из коллекции. Наталис Рондо по этому поводу писал: «…г. Сюритенден …не ожидал встретить в формах древнерусского стиля произведения, соединяющего в себе при своеобразном характере sui generis столько типичных свойств красоты и разнообразия» [3, с. 164–165].

Слепки с архитектурного декора Дмитриевского собора вместе с 157 слепками с других предметов русской старины — Царских врат, церковных и светских сосудов, крестов, панагий и др. — были представлены в экспозиции музея Клюни в Париже.

В 1866 году Строгановское училище посетил директор Эдинбургского художественного музея Т.С. Арчер. Как отмечал В.И. Бутовский, профессор с особым любопытством рассматривал «прилепы» Дмитриевского собора и отзывался о них как о замечательном памятнике древнерусского искусства. В своем отчете о поездке в Россию Т.С. Арчер писал: «В Москве произошла большая перемена, и департаменту приятно будет знать, что там образовалось училище рисования по плану Соут-Кенсингтонского училища, и что в нем обратили внимание на красоты древнерусского искусства и уже собрали тысячи рисунков, а равно приступили к снятию слепков с архитектурных украшений» [3, с. 165].

Позже, когда В.И. Бутовский встретился с директором Эдинбургского музея на выставке 1867 года в Париже, тот сказал ему в личной беседе: «Знаете ли, что я сказал в Англии про ваши рисунки и слепки? Что нам необходимо все это иметь у себя!» [3, с. 165]. Практически одновременно со снятием архитектурных слепков с орнаментов начинается копирование художниками рисовальщиками Строгановского училища

орнаментов с древних рукописей X–XVII веков. Часть этих копий была показана на мануфактурной выставке 1865 года в Москве. В статье «Об изделиях Строгановского технического рисования на Московской промышленной выставке 1865 года», изданной в сборнике Общества древнерусского искусства, по этому поводу говорилось: «Между образцами <…> наиболее обратившими на себя внимание: прекрасные раскрашенные снимки с заглавных букв заставок и орнаментальных украшений, почерпнутых из древних рукописных книг с XI по XVII столетия <…> Польза предметов, выставленных Строгановским училищем, слишком очевидна, чтобы следовало её доказывать. Нет сомнения, что учреждение это, равно как и вновь устраиваемый Художественно-промышленный музеум в Москве, дадут русскому мануфактурному производству тот характер самобытности в связи с художеством, недостаток которого был одною из главнейших причин, дававших в глазах Европы нашей промышленности такое ничтожное значение» [3, с. 169].

В 1866 году, во время пребывания в России, наследник английского престола, будущий король Эдуард VII также ознакомился с орнаментальными копиями в Строгановском училище. Как свидетельствует В.И. Бутовский, принц изъявил сожаление, что эти рисунки не изданы и предложил прислать данный труд в Лондон, обещая свое содействие в его издании. Когда Виктор Иванович Бутовский в апреле 1867 года был в Париже, то через комиссара всемирной выставки Д. Генри Коля передал наследнику 10 листов рисунков с орнаментами от XII до XVII века. Позже Бутовский получил письмо, в котором Генри Коль передавал благодарность за подарок и писал: «…что Его Королевское Высочество принял портфель с большим удовольствием и что он в величайшем восхищении от прекрасного исполнения заключающихся в нем рисунков» [3, с. 170].

В конце 1866 года рисунки были выставлены в Московском Публичном музее, а в январе 1867 года перед отправлением их на выставку в Париж, они демонстрировались в Санкт-Петербурге в залах Общества поощрения художников. 13 января выставку посетил император Александр II, заметив, что надо озаботиться их изданием.

Всемирная выставка 1867 года вписала новую страницу в популяризацию русского стиля. Об этом в 1879 году писал известный исследователь Г.Д. Филимонов: «Немало содействовала такому обращению к русскому искусству Всемирная выставка 1867 года, на которой впервые памятники русского искусства, в копиях и подлинниках предстали в

значительном количестве, и что особенно важно, без обычных комментариев о несостоятельности русского стиля» [7, с. 9].

В контексте общий стилевой концепции строгановские копии с орнаментов имели большой успех: «…они, как отголосок былого, выказали замечательное изящество наших простонародных изделий, которое выражается, между прочим, в украшениях наших крестьянских жилищ. Резьба на избе, мотивы фасада по русскому отделу, строения для конюшен, русские рисунки на золотых и серебряных изделиях Сазикова и Овчинникова, на парчах Сапожникова и на ювелирных изделиях Чичелева, а также выделка простых крестьянских деревянных изделий, положительно изобличали связь между настоящим и прошедшим, выразившуюся в рисунках Строгановского училища» [3, с. 171].

Таким образом, копии орнаментальных композиций с древних рукописей, выполненные в цвете с большим мастерством художниками-рисовальщиками Строгановского училища М.В. Васильевым, П.А. Нисевиным, С.Ф. Щеголевым, стали тем материалом, который был особенно востребован русской художественной промышленностью и отвечал запросам своего времени с обращением искусства к национальным традициям. Однако интерес иностранных экспертов свидетельствовал о том, что Запад тоже не остался равнодушным к искусству Древней Руси, которого он до сего времени не знал. Коллекцией орнаментальных рисунков заинтересовался известный парижский издатель Морель и предложил издать альбом на свои средства или, если он будет напечатан в России, заняться его продажей во Франции. Посетившие археологический отдел русского павильона на выставке 1867 года комиссар Великобритании Генри Коль, а также директор Кенсингтонского музея и Овен Джонс, составитель известного издания «Грамматика орнамента», также изъявили желание приобрести коллекцию рисунков и даже предлагали купить копии с них [8, с. 172].

Важно отметить и мнение упоминавшегося ранее Наталиса Рондо, признанного во Франции эксперта по художественной промышленности. В своем письме В.И. Бутовскому в июле 1867 года он писал: «Россия — единственная нация, имеющая национальное искусство, артистический тип, отличающийся от всего того, что принято остальною Европой. Это ваше великое счастье. Перед вами широкое поле в области орнамента. Вы можете всегда давать произведениям вашим характер оригинальности, который будет возвышать их достоинство» [3, с. 174].

Н. Рондо отмечал, что такой интерес к русскому искусству обусловлен на Западе тем, что потребитель уже утомлен однообразием форм и орнаментов западноевропейских, поэтому рисунки древнерусских орнаментов заинтересовали не только специалистов — историков, археологов, исследователей искусства, но и промышленных художников, ищущих новых форм и рисунков для своих изделий.

По итогам Всемирной выставки 1867 года Строгановское училище и музей были награждены серебряными медалями и дипломами за рисунки и слепки с произведений древнерусского искусства.

Рис. 2. Обложка издания «История русского орнамента с X по XVI столетия по древним рукописям» 1870 года

После выставки продолжались переговоры с издателем Морелем. Для этого литограф Левье выполнил в качестве образца одну гравюру с предоставленной ему таблицы. Все последующие хромолитографии для издания были выполнены в одной из лучших парижских мастерских Лемерсье. В полном объеме издание вышло в 1870 году на русском и французском языках (ил. 2). Текст на французском языке печатался в Париже, на русском — в Москве. Издание состояло из двух томов. В первом томе были представлены 100 таблиц с копиями орнаментов, напечатанные в технике хромолитографии в натуральную величину. В.В. Стасов, который в своих критических статьях уделил большое внимание данному изданию, отмечал высокий уровень типографской печати: «...все приходится на своем месте с необыкновенной верностью, точно будто рисовано от руки; каждая самая мелкая жилка, каждый самый крошечный оттенок верен по тону и по месту, на который пришелся с математической точностью» [9, с. 222].

В предисловии к изданию В.И. Бутовский писал: «Собранные в этих альбомах факсимильные воспроизведения, все почерпнуты из старинных рукописей греческих и славянских. Они предполагают как подручный архив идей и материалов для всякого рода орнаментовки живописной, вяательной, резной, чеканной, по металлу, по кости, по дереву, по камню, для глиняных и стеклянных изделий, для тканей, обоев, переплетов и всякого рода утвари и вещей, требующих изящества формы и украшения»

[10, с. 1]. Во втором томе, который издатели назвали дидактическим, располагались прорисовки с увеличенных фрагментов орнаментов. В.В. Стасов, со свойственной ему прямолинейностью, более критически отнесся к идее второго тома. Он отмечал, что сама идея понятна: «…издатели желали показать, какой орнаментальный мотив может быть извлечен из древнего рисунка <…> и если в следующих трёх выпусках эта дидактическая часть не будет исполнена строже и тщательнее, лучше вообще её не издавать» [9, с. 226].

Рис. 3. Византийский орнамент. Из греческого Евангелия X–XI вв. Санкт-Петербургская Императорская публичная библиотека
Рис. 4. Русский орнамент. Из «Сборника Святослава», 1073 г. Синодальная библиотека

Кроме того, В.В. Стасов писал о том, что еще до отправки копий на выставку 1867 года в Париж, он предлагал расположить их не только по эпохам, но и по школам, например, «новгородская школа», «московская школа». Однако, несмотря на некоторые недостатки, Стасов отмечал ту большую и важную работу Строгановского училища и тот интерес, который вызвали данные рисунки, занимавшие в отделе «Истории труда» целую стену: «…русские орнаментальные формы были так новы и интересны для западного глаза, что все люди со вкусом и знанием часто и долго останавливались перед нею…» [9, с. 223].

Парижская газета «Le Moniteur universel» также отмечала, что издание «Истории русского орнамента», будет полезно не только для России, но и для Западной Европы: «…для нас оно имеет большую цену <…> Мы не знаем русского искусства, вернее мы смешиваем его с византийским, а между тем, оно имеет свою красоту, свою оригинальность, оно не страждет от обилия и пестрого разнообразия различных орнаментов. Приготовленные сочинения дадут нам возможность судить об

искусстве, которое развилось в ту эпоху, когда Россия, казалось, не имела истории» [3, с. 175].

В.И. Бутовский подчеркивал, что создание таблиц с орнаментами заставок, страниц, инициалов с византийских и русских книг позволит также «…ответить на вопрос, существуют ли отличия между орнаментами русскими и византийскими и можем ли мы утверждать, что в России был свой художественный элемент» [3, с. 166] (ил. 3, 4).

Расположение рядом византийских и русских образцов имело большое значение для анализа их особенностей и в итоге — понимания различий между византийским и русским стилями в искусстве второй половины XIX века, поэтому, несмотря на то, что Бутовский во введении к таблицам писал о том, что рисунки предназначены для «технико-промышленных» целей, на самом деле значение этого издания было гораздо более широким. На это указывал и В.В. Стасов, он сетовал на то, что в издании нет серьезной научной статьи, в которой история древнерусского и византийского орнамента была бы представлена в своем эволюционном развитии, в сравнении с болгарским, сербским, восточным и даже западноевропейским орнаментом. Хотя переговоры о написании такой статьи велись с известным исследователем древнерусской литературы и искусства Ф.И. Буслаевым, но по неизвестным причинам они не завершились успехом. В целом, замечания Стасова касались именно научного структурирования материала и наличия справочного научного аппарата. Он считал, что такое роскошное и дорогое издание должно иметь не только практическое, но и теоретическое значение.

Необходимо также отметить, что французские исследователи предложили в подборе таблиц для издания ограничиться XVI веком включительно, так как в орнаментах XVII века они справедливо увидели влияние западноевропейского искусства и считали это временем упадка.

Но, несмотря на некоторые недостатки, современники отмечали, что деятельность В.И. Бутовского была важной и своевременной. Кроме того, она совпала и с организацией первого художественно-промышленного музея в Строгановском училище: сбор образцов произведений древнерусского искусства, изучение его форм и орнаментального декора, на основе которого формируются стилевые черты русского стиля, ставшего одним из ведущих в проектировании произведений декоративно-прикладного искусства Строгановского училища. Такие примеры уже были продемонстрированы на Всероссийской мануфактурной

выставке 1865 года в ткацком и набивном деле. В отчете о выставке говорилось: «…оригинальные рисунки учеников, специально приготовленные для ткацкого и набивного дела: многие из них уже приведены в исполнение на станках Строгановского училища, которое сверх рисовального образования имеет ещё и технический класс» [3, с. 156–157]. На выставке была представлена целая коллекция образцов по ткацкому и обойному делу. Особо отмечали эксперты рисунки для платков, выделяя работу М. Коробейникова. Его платок «…адрианопольского цвета <…> совершенно в том вкусе, как тысячи платков совершенно готовых и тут же находящихся на выставке, но между тем, все в нем: и общее сочинение, и комбинация цветов, и самые краски, смотрит красиво, изящно и самобытно» (выделено мной — Е.Д.) [3, с. 157].

В этих рисунках был использован и переосмыслен тот богатейший исторический материал, который к этому времени в Строгановском училище уже оформили в орнаментальные таблицы. Эксперты писали, что новизна и оригинальность представленных проектов и готовых изделий основывается на почерпнутых «…в молитвенных старопечатных книгах и рукописях, которые целиком взяты или составлены из заголовков и заставок древних книг Синодальной библиотеки и других» [3, с. 157].

На Всемирной выставке, проходившей в Париже в 1867 году, Строгановское училище, помимо указанных выше орнаментальных копий и слепков, выставило «…рисунки учеников, особенно по печатанию тканей, которые положительно конкурировали со всем подобным, представленным на выставку Францией, Англией и Германией. Этой степенью совершенства училище, бесспорно, обязано заботливому и просвещенному к нему вниманию его директора В.И. Бутовского» [11, с. XII]. За эти рисунки училище было награждено серебряной медалью.

На Всемирной выставке 1873 года, проходившей в Вене, Строгановское училище представило достаточно обширный материал, свидетельствующий о выходе теоретической и практической подготовки учащихся на новый, более высокий уровень. Это рисунки приуготовительного класса, рисунки по набивному, ткацкому и орнаментальному отделам; цветы и овощи, птицы и животные, пейзажи «снятые с натуры». Были показаны рисунки с гипсов, образцы черчения, перспективы, чистописания, каллиграфии, а также рисунки с предметов художественного музея. На выставке экспонировались и 57 расписных глиняных и фаянсовых вещей, выполненных в керамической мастерской училища.

Судя по сведениям, которые Строгановское училище предоставило позже, на выставку 1900 года в Париже, указывалось, что гончарная мастерская уже существовала с 1860 года [12, л. 5 об.]. Таким образом можно сказать, что керамика была одним из первых, практически осваиваемых ремесел в Строгановском училище. В это время большое внимание уделялось и художественной росписи по керамике и металлу. В экспозиции были представлены расписные глиняные горшки, блюда, кружки, кувшины, квасники, солонки, жбаны, изразцы, а также железные блюда и подносы в русском стиле [13, с. 155]. Следует также отметить, что на Венской выставке 1873 года были показаны гальванопластические копии — 130 предметов, изготовленных под руководством А.Ф. Симоненко, который руководил гальванопластическим отделением.

О сложившейся в Строгановском училище методике преподавания свидетельствовали представленные на Венской выставке учебные пособия, составленные преподавателями: курс элементарного рисования академика Васильева «Руководство к сочинению орнаментов в русском стиле»; курс геометрического и линейного черчения и рисования художника Заруцкого. Демонстрировались геометрические чертежи и таблицы, объясняющие набивное и ткацкое дело, каллиграфическая таблица, заключающая «сравнение трудных и лёгких письмен древних и новых, первообразных и заимствованных у всех народов». Также был представлен публике уже великолепно изданный «Сборник орнаментальных украшений, почерпнутых из греческих и древнерусских рукописных книг с X по XVI век включительно» и «Строгановский иконописный лицевой подлинник». В экспозиции находились фотографии с предметов, хранящихся в Троице-Сергиевой лавре, московской Патриаршей ризнице, в Суздальском соборе и в Строгановском музее [14].

Следует, однако, отметить, что не все благосклонно отнеслись к идее В.И. Бутовского о разработке орнаментов в русском стиле. Автор большой статьи, опубликованной в «Новостях художественной жизни» в 1887 году, давая ретроспективную оценку деятельности В.И. Бутовского, писал: «Однако, все эти меры, стоившие много труда и денег, не привели к желаемому результату, за исключением, впрочем, серебряных дел мастерства, в котором появились финифтяные украшения в характере миниатюр древних церковных рукописей» [15, с. 91].

Надо учитывать, что это замечание было высказано в конце 80-х годов, когда русский стиль уже почти в течение тридцати лет

утвердился и успешно развивался в отечественном искусстве. Но, как любое художественное явление на определенном историческом этапе ярко отразившее свое время, русский стиль в конце 80-х годов в новых исторических условиях перерождается в неорусский стиль — национально-романтическое направление модерна с иными принципами формообразования.

Таким образом, в первой половине 60-х годов интерес к русской национальной традиции только оформлялся в самостоятельное художественное направление в декоративном искусстве, поэтому деятельность В.И. Бутовского была своевременной и необходимой, тем более что издание «Истории русского орнамента» стало первым подобным опытом, так как похожие сборники выходили уже в 70–80-е годы. Это и работы самого В.В. Стасова, «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (1882), «Русский народный орнамент» (1872–1887), и альбом Г.Г. Гагарина «Сборник византийских и древнерусских орнаментов, собранных и рисованных князем Г.Г. Гагариным» (1887).

Примечания:

1. Виктор Иванович Бутовский (1815–1881) был известным общественным деятелем, действительным статским советником, егермейстером двора Его Императорского Величества, членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур.

2. *Иезбера Ф.И.* Всероссийский музей или Собрание предметов, касающихся познания Русской империи. — Варшава, 1879.

3. *Бутовский В.И.* Реферат члена русского археологического съезда, директора Центрального Строгановского училища технического рисования В.И. Бутовского, читанный в заседании съезда в Москве 16 марта 1869 года // Русское искусство и мнение о нем Е. Виолле ле Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Буслаева, русского археолога. Критический обзор В.И. Бутовского. Приложение III. — М., 1879.

4. *Кириченко Е.И.* Русский стиль. — М., 2020.

5. *Бутовский В.И.* Новый способ лепления посредством желатина // Журнал мануфактур и торговли. — 1865. — Т. V.

6. Эту цитату приводит В.И. Бутовский из письма от 10 сентября 1864 года за № 1940, которое было адресовано ему Г.Г. Гагариным // Русское искусство и мнение о нем Е. Виолле ле Дюка, французского ученого архитектора и Ф.И. Бу-

слаева, русского археолога. Критический обзор В.И. Бутовского. Приложение III. — М., 1879.

7. *Филимонов Г.Д.* Самостоятельность русского стиля с точки зрения современной критики искусства на западе. — М., 1879.

8. Англичане готовы были заплатить по 108 франков за копию с рисунка, но В.И. Бутовский, видимо, уже вел переговоры с Морелем и специально выставил очень большую сумму, поэтому Генри Коль написал, что они будут вынуждены ждать издания этого альбома.

9. Histoire l`ornament russe du X au XVI siècle d`après manuscrits. — Paris, 1870.

10. *Стасов В.В.* Критика художественных изданий и статей // Собрание сочинений. 1847–1886. Отд. 4. — СПб., 1894–1906.

11. *Киттары М.Я.* Всемирная выставка 1867 года в Париже. — СПб., 1867.

12. РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 87.

13. Указатель русского отдела Венской Всемирной выставки 1873 года. — СПб., 1873.

14. Художественно-промышленный музей был открыт 17 апреля 1868 года и состоял из художественного отдела (1455 предметов), промышленного (5958 предметов) и народного (1769 рисунков с древнерусских памятников, а также оригинальные предметы).

15. Новости художественной жизни. — 1887. — Т. 5. — № 4.